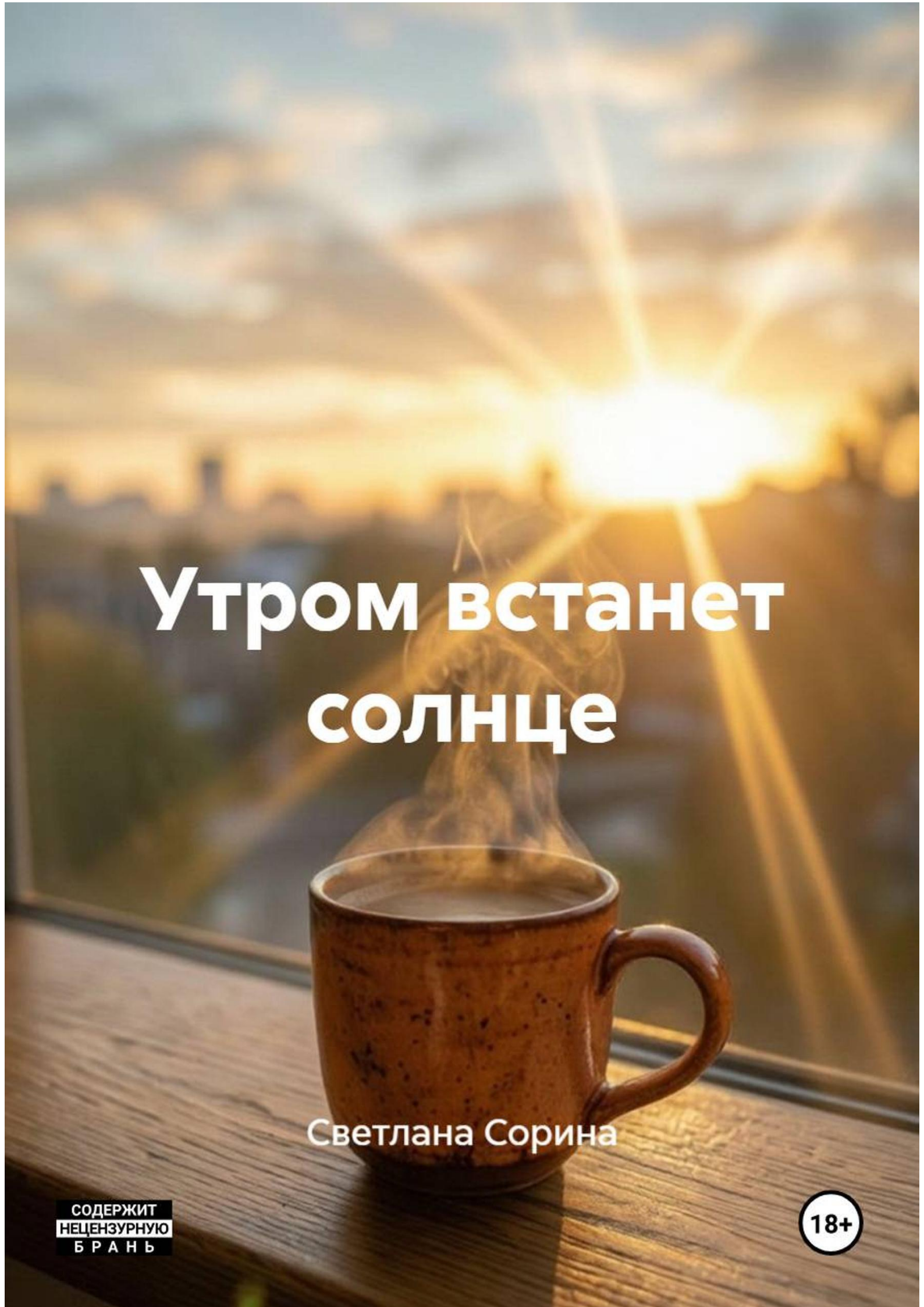

A warm, golden sunrise or sunset scene viewed through a window. In the foreground, a rustic, speckled brown ceramic mug filled with coffee sits on a wooden windowsill. Wisps of steam rise from the mug. The background shows a blurred cityscape with buildings and trees, bathed in the soft, orange light of the sun, which is low on the horizon, creating a lens flare effect.

Утром встанет солнце

Светлана Сорина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Сорина

Утром встанет солнце

«Автор»

2026

Сорина С. К.

Утром встанет солнце / С. К. Сорина — «Автор», 2026

В мировой литературе существует негласный, фундаментальный договор между автором и читателем: пока повествование ведется от первого лица — от этого объемного, пульсирующего, уверенного «я», — читатель находится в абсолютной безопасности. В какие бы шторма ни бросало деревянную бригадину героя, какие бы пули ни срезали ветки у его виска, какую бы неизлечимую болезнь ни констатировал седой профессор в третьей главе, читатель внутри подсознательно остается спокойным. Мы едва заметно улыбаемся в глубине души, потому что знаем железную аксиому: раз он сам рассказывает нам эту историю, значит, он выберется. Значит, он выжил, доплыл, выстоял, перебинтовал раны, дотянул до седых волос и теперь сидит у горящего камина с пледом на коленях и дымящейся чашкой чая в руках, выводя пером или голосом эти строки. Это тайное знание гасит первобытный ужас. Это спасательный круг, который автор любезно бросает каждому, кто открыл книгу. Но реальная жизнь — не выверенные строки романа.

© Сорина С. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
АЛИНА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Светлана Сори́на

Утром встанет солнце

Пролог

Я прочла уже, кажется, тысячи книг. Когда проводишь жизнь среди сотен чужих вымышленных судеб, шелестящих бумагой под пальцами, невольно начинаешь видеть скрытую анатомию текста.

В мировой литературе существует негласный, фундаментальный договор между автором и читателем: пока повествование ведется от первого лица — от этого объемного, пульсирующего, уверенного «я», — читатель находится в абсолютной безопасности.

В какие бы шторма ни бросало деревянную брига́нтину героя, какие бы пули ни срезали ветки у его виска, какую бы неизлечимую болезнь ни констатировал седой профессор в третьей главе, читатель внутри подсознательно остается спокойным. Мы едва заметно улыбаемся в глубине души, потому что знаем железную аксиому: раз он сам рассказывает нам эту историю, значит, он выберется. Значит, он выжил, доплыл, выстоял, перебинтовал раны, дотянул до седых волос и теперь сидит у горящего камина с пледом на коленях и дымящейся чашкой чая в руках, выводя пером или голосом эти строки. Это тайное знание гласит первобытный ужас. Это спасательный круг, который автор любезно бросает каждому, кто открыл книгу.

Но реальная жизнь — не выверенные строки романа.

У настоящей жизни нет бережного редактора, вычеркивающего нелепые случайности. У нее нет чувства композиции, нет уважения к кульминациям и нет обязательств перед счастливым финалом. В реальной жизни первое лицо может захлебнуться и оборваться на полуслове — прямо посреди теплого солнечного вторника, между глотками свежего утреннего воздуха и планами на выходные.

Эта книга о девушке по имени Алина. Ей двадцать четыре года. Она полна сил, энергии, желания жить, творить, любить. У Алины есть парень, с которым они уже несколько лет вместе. Есть мама и младшая сестра Соня. Есть друзья и любимая работа. У Алины есть все, о чем она могла только мечтать.

Жаль, что она никогда не мечтала о времени.

Впрочем, все по порядку.

Глава 1

АЛИНА

У меня была своя религия.

Она не требовала заученных молитв, золоченых окладов, коленопреклонений и строгого поста. У неё не было канонических текстов и суровых проповедников, грозящих карой за сомнения. Моим храмом служило широкое кухонное окно на седьмом этаже старого кирпичного дома — там, где толстые стены метровой кладки надёжно глушили утробный гул просыпающегося мегаполиса, оставляя меня наедине с небом.

Из этого окна открывался вид, который я не променяла бы ни на какие панорамные пентхаусы в стеклянных высотках. Внизу, у самого подножия нашего дома, раскинулось причудливое море из покатых чугунных и жестяных крыш, покрытых благородным слоем серой городской патины. Между ними, словно зеленые волны, вздымались верхушки деревьев. Летом они шумели от малейшего сквозняка, шепча что-то на своем древнем растительном наречии; осенью вспыхивали тяжелым охристым золотом; а сейчас звенели свежей зеленью на фоне бледнеющего горизонта.

С некоторых пор я научилась начинать утро не с телефона, а с заземляющей сенсорики — с тактильного ощущения дерева, чугуна и обожженной керамики.

В мире, который с каждым годом становился всё более плоским, пластиковым и виртуальным, где даже общение свелось к бесконечным пикселям на экране, мне было жизненно необходимо чувствовать вес и шероховатость настоящих, одушевленных предметов.

Я категорически не признавала растворимый порошок — эту химическую пыльцу в стеклянных банках с фальшивыми золотыми наклейками, пахнущую жженым картоном и чужой спешкой. И я брезгливо, почти физически морщилась при виде кофейных автоматов, заполнивших офисы и модные квартиры. Для меня они были не прогрессом, а конвейерным грехопадением — «кофейным фастфудом», лишенным даже попытки на жизнь. Механической имитацией ритуала, в которой нажатие пластиковой кнопки заменяло таинство рождения вкуса.

Откуда взялось такое скрупулезное отношение к этому напитку?

В нашей семье кофе никогда не был просто утренним допингом, призванным разогнать кровь перед рабочим днем. Это был культурный код, семейная реликвия, связующая нить между поколениями.

Кажется, любовь к кофе передалась мне вместе с X-хромосомой по материнской линии. Моей маме довелось провести детство и молодость в одной из ближайших восточно-дружественных стран. Оттуда она привезла не только ворох историй о караванах и пряностях, но и особое, почти священное отношение к кофейному зерну. В доме мамы всегда стоял этот неповторимый аромат. Зерна привозились из разных уголков планеты в холщовых мешочках с таможенными штампами. Их перебирали вручную на льняном полотенце, отбраковывая малейший дефект, смешивали сорта в тайных, выверенных годами пропорциях, а если приходилось покупать обычный кофе из масс-маркета, мама непременно добавляла в банку щепотку «того самого» — для неповторимой глубины и терпкости.

Главным артефактом на моей кухне была тяжелая медная турка — джезва с чеканным восточным узором из переплетающихся виноградных лоз и арабской вязи. Медь на ее боках давно потемнела от времени и огня, приобретя благородный оттенок старой бронзы. Когда-то мама получила её в подарок от восточной подруги детства, а затем передала мне в день, когда я съехала на свою первую съемную квартиру. Вместе с ней на полке жила ручная мельница с

массивными чугунными жерновами и деревянным корпусом из мореного дуба, отполированным десятками тысяч прикосновений.

Сам процесс помола я воспринимала как глубокую телесную медитацию.

Засыпала горсть матовых, маслянистых зерен темной эфиопской арабики в раструб мельницы. Пальцы привычно ложились на костяную ручку. Первый оборот — и раздавался сухой, упругий, размеренный хруст дробящегося зерна. Чугунные жернова работали неторопливо, с глухим приятным сопротивлением. С каждым движением руки маленькую кухню начинал заполнять густой, плотный аромат — он рождался задолго до того, как огонь касался медного доньшка джезвы. В этом запахе смешивались ноты прокаленной солнцем земли, темного горького шоколада, дикого меда и сушеных лесных ягод.

— Если перемолоть зерна слишком мелко — звучал в моей голове тихий, наставительный голос мамы, стоило мне взяться за ручку, — огонь сожжет их мгновенно, и кофе отдаст горечь раньше, чем успеет раскрыть тонкие ноты черники и бергамота.

«Кофе требует терпения, Аля».

Сначала я прогревала перемолотое зерно в джезве, чтобы оно немного прокалилось. Затем наливала чистую бутилированную воду и не отходила ни на шаг. Мне нравилось наблюдать, как темнеет жидкость, как по краям начинает собираться плотная, шелковистая ореховая пенка — *крема*, как она медленно поднимается к узкому горлышку, удерживая внутри всю силу эфирных масел.

Перед тем, как перелить готовый напиток, я обязательно прогревала кружку. Моя любимая кружка — тяжелая, из толстого фарфора цвета обожженной степной глины, с неровным авторским краем — наполнялась кипятком, впитывала жар, и только потом принимала в себя темную, бархатистую субстанцию. Никакого молока, заглушающего природный голос зерна. Только чистая суть.

Закончив священнодействие, я забиралась с ногами на широкий подоконник.

Подтягивала колени к груди, укутываясь в огромный, безразмерный серый свитер грубой вязки с растянутыми рукавами, в которые можно было спрятать ладони целиком. В правой руке — обжигающая чашка, согревающая озябшие пальцы через толстую глину. В левой — абсолютно ничего.

Никаких списков дел. Никаких ежедневников с горящими дедлайнами. Только я, горячий кофе, кристальная утренняя тишина и взгляд, устремленный в просыпающееся пространство города.

Ровно в семь утра солнце разрезало оконное стекло наискось. Острый луч пробивал дымку над горизонтом и падал на дощатый паркет длинными золотистыми прямоугольниками, в которых плавно, словно в замедленной съемке, кружились невесомые микроскопические пылинки.

Я любила поворачивать лицо навстречу этому лучу, ловить его открытыми глазами.

В памяти всплывал голос Игоря.

В самом начале наших отношений, когда мы часами бродили по набережной и не могли наговориться, он часто останавливался, брал меня за подбородок, долго и завороченно вглядывался в моё лицо и с улыбкой говорил: — У тебя удивительные глаза, Аля. В полумраке они кажутся темно-ореховыми, взрослыми, строгими. Но стоит выйти на солнце — и радужка вспыхивает изнутри мелкими янтарными крапинками вокруг зрачка, становясь прозрачной и жидкой, как свежий липовый мед. В них можно утонуть и не заметить.

Игорь... Он был совсем другим. Он жил на огромных скоростях, в вечном цейтноте, среди графиков сдачи объектов, смет, звонков подрядчиков и нервных совещаний. Он всегда торопился жить, будто боялся, что если он остановится хотя бы на минуту, весь его выстроенный мир рассыплется на куски.

Он часто смотрел на мои утренние сидения на подоконнике с непониманием.

— Как у тебя получается просто сидеть и смотреть в окно полчаса? У меня за тридцать секунд бездействия начинается паника, что я что-то упускаю.

— Ты упускаешь само утро, Игорь, — тихо отвечала я ему тогда, смотря на его растрепанные после сна волосы. — Ты пробегаешь сквозь него, даже не заметив, какого оно цвета.

Я поднесла кружку к губам и сделала первый, самый обжигающий глоток.

Вкус раскрылся каскадом: плотная, благородная цитрусовая кислинка дикого бергамота на кончике языка плавно сменилась терпким, бархатистым горьким шоколадом и долгим, чуть вяжущим послевкусием спелой черники. Тепло прокатилось по пищеводу, мягко отдаваясь в груди.

Опустила взгляд вниз, на проспект.

Там, далеко внизу, город уже захлебывался в своей привычной нервной лихорадке. Маленькие темные фигурки людей выныривали из подъездов и торопливо семенили к павильону станции метро. Они шли, сторбив плечи, уткнувшись взглядами в асфальт, застегивая пальто и куртки прямо на ходу, поправляя съезжающие шарфы и нервно поглядывая на телефоны.

Поток машин у светофора пульсировал, взрываясь нетерпеливыми гудками клаксонов, будто лишние три секунды на перекрестке решали чью-то судьбу.

Интересно, — думала я, наблюдая за этим человеческим муравейником сквозь прозрачный пар от кофе, — кто-то вообще задумывается о том, что день начался, потому что солнце снова встало? Или большинству кажется, что день — это просто бинарный переключатель? Щелчок рубильника: темнота сменилась неоновой лампы, и пора бежать?

Мы все так отчаянно боимся опоздать. Вздвигиваем себя кофеином из автоматов, бежим вверх по эскалаторам, сбиваем дыхание, сжимаем зубы в пробках, будто от нашего опоздания на десять минут сойдет с орбиты и рухнет в бездну планета Земля. Нам кажется, что наша спешка — это титанический труд по удержанию Вселенной на своих плечах.

А Земля... Земля вертится просто так.

Ей абсолютно всё равно, сдадим ли мы проектные макеты к полудню, успеем ли на совет директоров в стеклянной башне, подпишем ли акт приемки и отправим ли квартальный отчет до конца рабочего дня. Её колоссальное, величественное движение не зависит от наших крошечных тревог, папок с документами и электронных календарей.

Она кружится в своем Великом Безмолвном Ритме — ритме, который начался за миллиарды лет до появления первого механического будильника и будет продолжаться ровно так же спокойно, когда все наши неотложные задачи, амбиции, страхи и телефонные книги обратятся в невесомую космическую пыль истории.

В этом контрасте крылась какая-то пронзительная, щемящая до слез ирония.

Мы сжигаем нервные клетки, растрачиваем бесценные часы молодости и здоровья, чтобы удержаться в искусственном ритме, навязанном корпорациями, дедлайнами и чужими ожиданиями. Мы искренне верим, что наш бег — это неоценимый вклад в мироздание. А мироздание безучастно и красиво делает своё великое дело, не обращая ни малейшего внимания на наши мелкие метания.

Я сделала еще один медленный глоток. Кофе чуть остыл, став еще более плотным.

Может быть, именно в таких коротких, украденных у суеты остановках и прячется то единственное, ради чего вообще стоит просыпаться? В этом глотке горячего горького напитка. В тактильном тепле глиняной кружки. В тишине пустой кухни. Во взгляде на то, как золотой рассветный луч медленно ползет по деревянным половицам, высвечивая каждую трещинку и неровность.

Может быть, иногда нужно дать себе безусловное право никуда не бежать. Опустить руки. Выключить внутренний таймер. Замереть и просто послушать, как дышит просыпаю-

щийся город, как первый трамвай вдалеке звенит на стрелке, как мокрый после ночного полива асфальт отражает розовеющие облака.

В этой мимолетной, ускользающей красоте — в лиловом, перетекающим в жемчужно-серый небе, в запахе миндального крема на полке, в чеканке на старой джезве — заключен подлинный масштаб человеческого бытия. Смысл жизни вовсе не в том, чтобы успеть переделать все бесконечные дела и победить время. Это заведомо проигранная битва. Смысл в том, чтобы успеть заметить хоть что-то по-настоящему прекрасное, пока ты идешь по этой земле. И, возможно, этого крошечного «хоть чего-то» — одного осознанного глотка, одного взгляда в глаза любимого человека, одной звезды над головой — окажется вполне достаточно, чтобы прожитый день не превратился в очередную перевернутую страницу ежедневника.

Я допила кофе до дна, где осталась густая, бархатная кофейная гуща, глубоко вдохнула утренний воздух и улыбнулась наступающему дню.

Мой взгляд переместился вглубь сонной квартиры. Из приоткрытой двери спальни доносилось мерное дыхание Игоря.

Уголки губ невольно дернулись вверх.

Игорь спал беспокойно, скомкав одеяло и уткнувшись лицом в подушку, как мальчишка. На его тумбочке тускло мерцал экран телефона — бесконечные уведомления корпоративных чатов строительного холдинга, где он работал ведущим инженером-проектировщиком.

«Мой вечно уставший строитель миров», — с нежностью и едва уловимой шемящей грустью подумала я.

В последние месяцы между нами словно протянулась тонкая паутина отчуждения. Игорь стал замкнутым, часто задерживался на объектах, приходил с потухшим взглядом и подолгу сидел в ванной, глядя в одну точку. Когда я подходила сзади, обнимая его за широкие напряженные плечи и утыкаясь носом в жесткую ткань рубашки, пахнущую табаком и бетоном, он вздрагивал.

— Устал, малыш. Просто адские сроки по объекту на Набережной, начальство давит, — глухо говорил он, целуя меня в лоб сухими губами.

Я не устраивала допросов. Может быть, потому что свято верила в то, что любовь — это прежде всего бережность и пространство. Мне казалось, что это просто этап, естественный спад после трех лет бурного, пьянящего счастья. Я верила, что наш фундамент не сокрушим.

Встав с подоконника, я подошла к письменному столу, взяла желтый квадратный стикер и быстро написала черным линером:

«Твой кофе в термокружке на столе. Я сварила с щепоткой кардамона, как ты любишь. Сырники под пленкой в холодильнике. Улыбнись солнцу, оно встало сегодня для нас двоих. Люблю тебя до луны и обратно. Твоя А.»

Стикер занял место на экране его ноутбука. Я на цыпочках подошла к кровати, невесомо коснулась губами его небритой щеки и тихо вышла из квартиры, аккуратно щелкнув замком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.